

**Конвенция о ликвидации
всех форм дискриминации
в отношении женщин**

Distr.: General
21 March 2016
Russian
Original: English

**Комитет по ликвидации дискриминации
в отношении женщин**

Сообщение № 46/2012

**Мнения, принятые Комитетом на его шестьдесят третьей
сессии (15 февраля — 4 марта 2016 года)**

<i>Представлено:</i>	М.В. (не представлена адвокатом)
<i>Предполагаемые жертвы:</i>	автор и ее ребенок
<i>Государство-участник:</i>	Дания
<i>Дата сообщения:</i>	21 августа 2012 года
<i>Справочная документация:</i>	решение о приемлемости от 3 ноября 2014 года (CEDAW/C/59/D/46/2012)
<i>Дата принятия мнений:</i>	22 февраля 2016 года

Приложение

Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (шестьдесят третья сессия)

относительно

Сообщения № 46/2012*

Представлено: М.В.
Предполагаемые жертвы: автор и ее ребенок
Государство-участник: Дания
Дата сообщения: 21 августа 2012 года

Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин,

на своем заседании 22 февраля 2016 года,

принимает следующее:

Мнения в соответствии с пунктом 3 статьи 7 Факультативного протокола

1. В ходе пятьдесят девятой сессии, состоявшейся 3 ноября 2014 года, Комитет признал сообщение приемлемым. Решение о приемлемости, содержащееся в документе CEDAW/C/59/D/46/2012, доступно широкой общественности наряду с данными мнениями.

Дополнительная информация от автора

2. 21 октября 2014 года автор заявила, что датские органы власти продолжают игнорировать ее запросы по поводу ее сына О.В., а также ее апелляцию, находящуюся в процессе рассмотрения. Запросы ее адвоката на проведение устных слушаний по рассматриваемой апелляции о приведении в исполнение

* В рассмотрении настоящего сообщения приняли участие следующие члены комитета: Айше Фериде Ачар, Глэдис Акоста Варгас, Бахита ад-Досари, Магалис Ароча Домингес, Барбара Бейли, Никлас Брун, Луиза Шалаль, Наэла Габр, Хилари Гбедема, Нахла Хайдар, Йоко Хаяси, Исмаг Джахан, Даля Лейнарте, Лия Надарая, Прамила Паттен, Сильвия Пиментел, Бьянкамария Померанци, Патриция Шульц и Цзоу Сяоцяо.

К изложенным мнениям прилагается особое (несогласное) мнение члена Комитета Патриции Шульц.

В соответствии с правилом 61 правил процедуры Комитета член Комитета Лилиан Хофмейстер не принимала участие в рассмотрении сообщений.

решения Верховного суда Австрии были отклонены. Не получив ответа от судебных инстанций, в октябре 2014 года автор представила новое заявление об обжаловании в Верховный суд. Она отмечает, что ее заявление об обжаловании в Верховный суд было отклонено уже шесть раз. Ее многочисленные запросы в Министерство иностранных дел о получении копии протокола ее дела об опеке не увенчались успехом. В октябре 2014 года она была вынуждена заявить о превышении должностных полномочий некоторыми должностными лицами, диффамации и дискриминации со стороны полиции Дании. Она добавила, что, по ее наблюдениям, в течение более чем 860 дней ее сыну не оказывалась медицинская помощь, однако она не получила ответа на свой информационный запрос от органов власти Фреденсборга. 1 октября 2014 года ей сообщили, что она больше не получит никакой информации об О.В. Наконец, она повторила, что О.В. крайне тяжело перенес свое похищение, однако не получил никакой помощи. Она заявила, что он лишь недавно, в возрасте 8 лет, пошел в первый класс, в то время как датские дети обычно идут в первый класс в 6 лет.

Замечания государства-участника по существу

3.1 8 июня 2015 года государство-участник разъяснило, что датские органы власти не нарушали права автора в соответствии с Конвенцией. Вопреки заявлению автора, речь не идет о дискриминации автора датскими органами власти по причине того, что автор женщина, но о весьма прискорбном и сложном деле, в отношении которого двумя системами правосудия были вынесены противоречивые решения об опеке. Автор пыталась добиться пересмотра таких вопросов, как опека, которые уже были подробно рассмотрены органами государственной власти. Государство-участник также отметило, что Комитет не является наднациональным органом, в задачи которого входит разрешение разногласий между двумя признанными и равноправными системами правосудия.

3.2 Государство-участник отказывается принимать ряд фактов, изложенных в пунктах 2.1–2.3 решения Комитета о приемлемости, и отмечает, что Совет по проверке апелляции отклонил заявление автора об обжаловании Верховным судом решения Высокого суда на том основании, что не было выполнено условие, согласно которому дело должно касаться всеобщей общественно важной проблемы.

3.3 Государство-участник отмечает, что в марте 2014 года автор потребовала исполнения решения Верховного суда Австрии об опекунстве. 10 июля 2014 года ее требование было отклонено судом первой инстанции Хельсингера, которым отмечается, что решением суда право на опекунство получил С. и что обстоятельства не изменились с тех пор, как 21 декабря 2012 года Высокий суд Восточной Дании принял решение о том, что до 3 апреля 2012 года, то есть до даты возвращения О.В. в Данию, он проживал и имел постоянное местожительство в Дании и что, следовательно, нельзя говорить о незаконном пребывании ребенка у С. согласно разделу 10 Закона Дании о международном похищении детей. 2 сентября 2014 года Высокий суд подтвердил законность решения суда первой инстанции и выразил свое согласие с основаниями принятого решения.

3.4 Вслед за этим автор подала заявление в Верховный суд, чтобы оспорить постановление Восточного Высокого суда. Ее заявление было отклонено 13 ноября 2014 года, поскольку не было выполнено условие, согласно которому дело должно касаться всеобщей общественно важной проблемы. 6 апреля 2015 года автор подала прошение о пересмотре Советом, которое было отклонено 21 апреля 2015 года, поскольку не была предоставлена какая-либо новая существенная информация.

3.5 1 октября 2014 года на основании заявления, поданного С., районная государственная администрация приняла решение о том, что автор больше не имеет права получать информацию о своем сыне в соответствии с разделом 23 Закона Дании о родительских обязанностях. Согласно положениям этого раздела один из родителей, не принимающий участия в совместной опеке, имеет право требовать и получать информацию о ребенке из школ, детских садов и яслей, учреждений социального сектора и сектора здравоохранения, частных больниц, от врачей общей практики и дантистов. Он или она также имеет право на получение копий всех документов о состоянии ребенка, которые могут находиться в распоряжении школ, детских садов или яслей. Согласно этим же положениям по требованию родителя-опекуна или одного из упомянутых выше учреждений государство может принять решение о лишении родителя, не принимающего участия в опеке, права на получение информации и копий документов. Как указано в решении государственной администрации, С. в своем требовании подчеркнул, что передача автору какой-либо информации о его сыне может нанести значительный ущерб благополучию ребенка. Кроме того, С. заявил, что автор публиковала все сведения о сыне на различных страницах в интернете, на веб-сайтах по проведению кампаний и в социальной сети Facebook, что, по его мнению, не отвечало наилучшим интересам их сына.

3.6 Государство-участник считает, что жалобы автора в соответствии со статьей 1, пунктом d статьи 2, статьей 5 и пунктом d статьи 16 Конвенции не подкреплены доказательствами. В том, что касается жалоб в соответствии со статьей 1 и пунктом d статьи 2, автор не представила ни доказательств, ни документов (например, копий отчетов полиции), подтверждающих ее заявление о том, что С. жестоко обращался с ней, угрожал ей, запугивал и преследовал ее и О.В. Более того, несмотря на утверждение автора о том, что О.В. был жестоко похищен 3 апреля 2012 года, 21 декабря 2012 года Восточный Высокий суд установил, что в момент похищения О.В. постоянно проживал в Дании и продолжает находиться в Дании. Таким образом, С. не удерживал О.В. на незаконных основаниях. Помимо этого, в своем решении от 11 июня 2012 года Министерство юстиции отказалось выдать С. Австрии, поскольку правонарушение, упомянутое в ордере на арест, частично было совершено в Дании, где оно уголовным преступлением не считается.

3.7 Что касается жалоб автора в соответствии со статьей 5 и пунктом d) статьи 16, государство-участник считает законодательство Дании принципиально нейтральным в гендерном отношении, равным образом применяющимся как к женщинам, так и к мужчинам. Исключения из этого принципа имеют место лишь в редких случаях и только при особых обстоятельствах, например, когда такое исключение имеет целью удовлетворение определенной потребности женщин или мужчин. В Дании в соответствии с Законом о родительских обязанностях ежегодно принимается до 24 000 решений в отношении родительских обязанностей. Согласно Закону первостепенное значение во всех этих

решениях имеют наилучшие интересы ребенка. Кроме того, датское законодательство основано на том принципе, что ребенок должен общаться с обоими родителями, независимо от того, в какой стране они проживают и какое гражданство имеют. Согласно Закону главенствующим принципом является право ребенка на общение с родителями, а не право родителей на общение с ребенком. Таким образом, Закон полностью соответствует международным обязательствам государства-участника, в том числе обязательствам, изложенным в Конвенции, Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейской конвенции о правах человека) и Конвенции о правах ребенка.

3.8 Государство-участник ссылается на пункт 8.6 решения Комитета о приемлемости и заявляет, что утверждение автора о том, что с 7 сентября 2010 года одним из датских судов была подтверждена законность ее переезда в Австрию и ее право единоличной опеки над О.В., является недостоверным. На самом деле право на опеку было передано С. 22 декабря 2010 года. Кроме того, предварительное слушание 7 сентября 2010 года касалось только вопроса о том, имеются ли основания для содержания автора под стражей, поскольку на тот момент автор находилась под следствием по обвинению в нарушении раздела 215 Уголовного кодекса. Как отмечено в замечаниях государства-участника от 14 января 2013 года, автор была отпущена на свободу.

3.9 Что касается утверждения автора о том, что датская полиция нанесла ей моральный ущерб в виде ареста и тюремного заключения по ошибочному обвинению без проведения надлежащих правовых процедур, государство-участник считает такое заявление безосновательным, принимая во внимание информацию, представленную в его замечаниях от 14 января 2013 года, как указано в пункте 4.4 решения Комитета о приемлемости. Государство-участник подчеркивает, что на слушании 21 декабря 2011 года, на которое автор не явилась, ее представлял адвокат, назначенный председателем коллегии адвокатов, и этот же адвокат имел возможность представлять ее интересы в ходе судебного разбирательства.

3.10 Что касается позиции Комитета, согласно которой автор не могла присутствовать на судебных слушаниях в Дании, поскольку вполне обоснованно опасалась, что, вернувшись в эту страну, будет задержана, государство-участник отмечает, что 6 сентября 2010 года автор была арестована полицией Северной Зеландии и ей было предъявлено обвинение в нарушении раздела 215 Уголовного кодекса. 7 сентября 2010 года она предстала перед Окружным судом Хельсингера и явилась на слушание, на котором прокурор потребовал ее задержания. Окружной суд не нашел оснований для ее задержания, и она была освобождена. Позднее полиция Северной Зеландии трижды требовала заочного (*in absentia*) задержания автора в целях выдачи европейского ордера на арест. По постановлениям от 24 мая, 19 июля и 23 декабря 2011 года Восточный Высокий суд определил, что условия такого задержания не были выполнены. В такой ситуации в случае возвращения в Данию в период с 7 сентября 2010 года по 23 декабря 2011 года автору грозил арест. Однако согласно пункту 2 раздела 771 Закона Дании об отправлении правосудия лицу, находящемуся в предварительном заключении, может получить разрешение на краткосрочный выезд с сопровождающим лицом (например, для посещения судебных разбирательств в сопровождении конвоя), если это оправдано особыми обстоятельствами и если полиция дала свое согласие на выезд. По этому поводу полиция Северной Зеландии заявила, что ее сотрудники могли бы доставить автора в

суд на гражданское разбирательство в обычном порядке, чтобы она имела возможность защищать свои интересы несмотря на задержание.

3.11 Что касается периода после 23 декабря 2011 года, государство-участник подчеркивает, что государственный прокурор прекратил требовать задержания автора после того, как Восточный Высокий суд вынес постановление от 23 декабря 2011 года. Таким образом, после 23 декабря 2011 года тюремное заключение автору не грозило. 17 июля 2012 года отдел по делам семьи при Национальном социальном апелляционном совете проинформировал Министерство юстиции Австрии о том, что фактически арест в связи с делом о похищении ребенка автору не грозит в том случае, если она совершит поездку в Данию для участия в двух судебных слушаниях 4 и 6 сентября 2012 года в Окружном суде Хельсингера по ее ходатайству о возвращении ей сына. Позднее, 18 июля 2012 года, Совет повторно направил в Министерство юстиции Австрии заключение прокуратуры от 17 июля 2012 года на имя полиции Северной Зеландии. В этом заключении полиция Северной Зеландии подтвердила, что фактически арест или требование о задержании по обвинению в нарушении раздела 215 Уголовного кодекса (похищение ребенка) в случае въезда на территорию Дании в период с 31 августа по 9 сентября 2012 года автору не грозит.

3.12 Государство-участник утверждает, что автор предъявляла множество ничем не подкрепленных обвинений в адрес датских властей и отдельных должностных лиц, принимавших участие в национальных судебных разбирательствах на всех уровнях. Документы, представленные автором о судебных разбирательствах, подтверждают, что ее жалобы и ходатайства были приняты всерьез и подверглись оценке и расследованию со стороны соответствующих государственных органов. Местные органы власти, районная государственная администрация, полиция, прокурор и суды регулярно изучали и оценивали факты и принимали официальные решения по делу.

3.13 Что касается права доступа автора к ребенку, государство-участник ссылается на свое дополнительное замечание от 9 августа 2013 года и добавляет, что с августа 2013 года по декабрь 2014 года автор многократно обращалась в Министерство по делам детей, гендерного равенства, интеграции и социальных дел с просьбами о получении доступа к сыну в определенные дни. Из этих просьб следует, что требование о получении доступа к ребенку было адресовано государству-участнику и никоим образом не может рассматриваться как требование о праве на посещение, адресованное районной государственной администрации. 2 августа 2013 года, 17 декабря 2013 года, 15 апреля 2014 года, 7 мая 2014 года и 5 мая 2015 года Министерство направляло автору электронные письма, в которых указывалось, что государственная администрация является единственным уполномоченным органом, способным принимать решения о доступе к ребенку. Министерство также уведомляло автора о том, что, поскольку она сообщила Министерству, что ее просьба не может рассматриваться как ходатайство в адрес государственной администрации о получении доступа к ребенку, решение о ее доступе к О.В. не может быть принято и, следовательно, органы власти не могут помочь ей в установлении личного контакта с сыном. Поскольку автор не желает, чтобы государственная администрация, которая является единственным компетентным органом, способным принимать решения относительно доступа, рассматривала ее заявление о доступе к О.В.,

государство-участник не смогло предоставить автору разумный доступ к О.В. в Дании по просьбе Комитета от 9 июля и 4 апреля 2014 года.

3.14 Что касается безопасности О.В., государство-участник ссылается на информацию из пункта 6.2 решения Комитета о приемлемости. Оно добавляет, что во втором квартале 2013 года Министерство по делам детей, гендерного равенства, интеграции и социальных дел получило от австрийских органов власти очередной запрос о благополучии О.В. По требованию австрийских органов власти этот запрос был направлен в органы местной власти Фреденсборга. Таким образом, безопасность О.В. должным образом обеспечивается социальными органами Дании. Более того, согласно датскому законодательству все государственные служащие имеют абсолютную обязанность извещать социальные органы в случае беспокойства относительно благополучия ребенка.

Комментарии автора к замечаниям государства-участника по существу

4.1 11 августа 2015 года автор заявила, что 17 июля 2010 года датские органы власти удалили записи о ней и ее сыне из датской Системы записи актов гражданского состояния, таким образом признав их резидентами Австрии. Районная государственная администрация не могла передать право на временное единоличное опеку над ее сыном от матери-иностранки датчанину. 13 октября 2014 года она обратилась в полицию с жалобой на государственных работников за распространение ложных сведений в отношении гражданства ее сына и его незаконную регистрацию в качестве резидента Дании. Датские органы власти систематически игнорировали ее жалобы. Верховный суд Австрии постановил, что она всегда имела право единоличной опеки.

4.2 Автор повторяет, что были нарушены ее права в соответствии со статьей 1, пунктами a–f статьи 2, статьями 3 и 4, пунктами a и b статьи 5, статьей 9, пунктами 1 и 4 статьи 15, а также пунктами d–g статьи 16 Конвенции.

4.3 Кроме того, она утверждает, что социальный работник из датского Центрального управления или Департамента по делам семьи несколько раз звонил в австрийский Департамент по делам семьи и незаконно угрожал автору, требуя отозвать просьбу о возвращении О.В., иначе она больше никогда не сможет снова увидеться со своим собственным ребенком.

4.4 Не было достигнуто никакого соглашения относительно прав С. на посещение ребенка. Далее автор заявляет, что С. не подтвердил свое заявление об оформлении опеки от 2 июля 2010 года, как утверждает государство-участник. Более того, 19 июля 2010 года он отозвал свое заявление об оформлении совместной опеки, а 22 июля 2010 года подал новое заявление о предоставлении ему права единоличной опеки. Автор заранее уведомила датские органы власти и С. о своем переезде в Австрию. С. знал об этом с 2009 года, и датский Национальный социальный апелляционный совет, оказывающий содействие родителям-иностранцам в возвращении их детей в рамках Гаагской конвенции о защите детей и сотрудничестве в вопросах межгосударственного усыновления, подтвердил это в своем заявлении 16 апреля 2012 года. С. подтвердил, что он узнал о переезде автора в Австрию вместе с О.В. в ходе его телефонного разговора с О.В. 19 июля 2010 года. 6 мая 2010 года он обратился за консультацией в отношении своих прав опеки и посещения. Он также сделал записи в блоге 14 и 26 мая 2010 года о том, что автор хочет уволиться с работы, продать дом и

вернуться в Австрию. С. повторно подтвердил это 8 августа 2011 года, выступая в передаче, транслируемой по государственному телевидению.

4.5 Что касается замечания государства-участника о том, что 7 сентября 2010 года автору были предъявлены обвинения в нарушении права опеки С., автор повторяет, что судья закрыл это дело, подтвердив законность ее переезда в Австрию. Она зарегистрирована в Австрии, а О.В. был зарегистрирован там 19 июля 2010 года, следовательно, по состоянию на 22 июля 2010 года ни один датский суд не обладал юрисдикцией в отношении ее дела.

4.6 О.В. не получает надлежащего ухода, и С. присылает ей шокирующие видеозаписи с проявлениями у О.В. регрессивного поведения. 5 сентября 2012 года у нее состоялась краткая встреча с О. в присутствии С., и ребенок вел себя так, будто был серьезно травмирован. Что касается телефонного общения с О., автор утверждает, что изначально она могла звонить сыну ежедневно, но впоследствии ей разрешалось делать лишь один телефонный звонок в неделю или не разрешалось звонить вовсе. Кроме того, автор утверждает, что с 13 февраля 2013 года она не имела контактов с О.В.

4.7 Что касается ее ареста, автор утверждает, что в сентябре 2010 года она приехала в Данию на встречу с агентом по продаже недвижимости. 6 сентября 2010 года С. ворвался в ее дом, требуя возвращения сына. После нескольких требований покинуть дом он наконец ушел. Спустя полчаса автор была задержана полицией, которая обыскала дом. Примерно с 11.00 до 18.30 она находилась в полицейском участке, а затем была направлена в худшую женскую тюрьму Копенгагена. По ее словам, до судебного слушания, состоявшегося на следующий день, с ней обращались как с худшим из преступников. Лишь допрашивавший ее полицейский предложил ей воды и одну конфету. По прибытии в тюрьму надзирательница выполнила полный досмотр тела. Затем надзирательница покинула помещение и обменивалась с другой надзирательницей непристойными шутками в адрес автора и ее вещей даже после того, как автор явно дала понять, что все слышит. Автор утверждает, что речь идет о крайне грубых словесных оскорблениях. В тот же день двое друзей автора побывали дома у С., который признал, что весьма рад тюремному заключению автора. 7 сентября 2010 года полиция отвезла ее в Окружной суд Хельсингера, где судья подтвердил ее право единоличной опеки.

4.8 Решение по делу автора в Окружном суде Хельсингера принималось младшим помощником судьи, а не судьей. Младший помощник судьи ни разу не обратился к ней, однако при этом обвинял ее в том, что она думает только о себе и не способна сопереживать. По словам автора, он не принял во внимание наилучшие интересы О.В., не предоставил ей право посещения и сделал ложное заявление о том, что она трижды получала повестку в суд, хотя она не получила ни одной повестки.

4.9 Автор утверждает, что районная государственная администрация не принимала во внимание наилучшие интересы ребенка и в своем решении основывалась лишь на версии событий, представленной С. В частности, государственная администрация беспрекословно приняла утверждение С. о том, что он брал на себя основную часть обязанностей по уходу за О.В., но не учла следующих фактов: С. платил алименты на О.В. до июля 2010 года; О.В. постоянно проживал с автором; родным языком О.В. является немецкий, а не датский; автор имеет право опеки над О.В. в соответствии с австрийским и датским зако-

нодательством. Автор повторяет, что государственная администрация основывала свое решение на ложном заявлении воспитательницы О.В., которая, вероятно, состояла в близких отношениях с С., поскольку С. заявлял, что она в точности знала, какую информацию С. передавал автору. Автор также утверждает, что сотрудник государственной администрации, принимавший решение, превысил должностные полномочия, заявив, что государственная администрация правомочна принимать решение по заявлению об оформлении опеки, представленному С. Автор уверена, что государственная администрация применила дискриминационную систему двойных стандартов, отказав ей в праве на получение информации об О.В. на тех основаниях, что она будет распространять ее в интернете, в то время как С. и его пособники с 2010 года используют различные средства массовой информации для публикации диффамирующих замечаний в адрес автора. Автор утверждает, что она будет продолжать публиковать всю информацию об этом деле, поскольку прозрачность является единственным способом, гарантирующим возвращение ей ребенка. Автор заявляет, что государство-участник поддерживает только своих соотечественников, не защищая детей от жестоких датских родителей¹, а государственная администрация продемонстрировала пример того, как иностранных матерей обвиняют в представлении вымышленных историй. Автор утверждает, что решение государственной администрации лживо и неточно.

4.10 Автор утверждает, что, требуя от Комитета дополнительных отсрочек и предоставляя неверные и противоречивые замечания, государство-участник продемонстрировало свою недобросовестность. Она заявляет, что дискриминация, которой она и О.В. подверглись со стороны государства-участника, подтверждается среди прочего официальным заключением Европейского парламента².

Вопросы по существу и процедуры их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопросов по существу

5.1 Комитет рассмотрел настоящее сообщение в свете всей информации, предоставленной ему автором и государством-участником в соответствии с порядком, предусмотренным пунктом 1 статьи 7 Факультативного протокола.

5.2 Комитет отмечает, что жалобы автора в соответствии со статьей 1 и пунктом d статьи 2 Конвенции основаны на заявленных актах насилия, обусловленного половой принадлежностью, совершенных С. по отношению к ней и ее сыну, предвзятых судебных разбирательствах, проводимых датскими органами власти и судами, дискриминации в отношении автора по половой принадлеж-

¹ Автор цитирует выдержки из книги Либби Буффон «Победа самой крупной свиньи у власти — о законе об опекунстве и о том, как защитить себя в этой игре».

² Автор цитирует рабочий документ Комитета Европейского парламента по рассмотрению петиций об ознакомительно-инспекционной поездке в Данию 20–21 июня 2013 года (17 сентября 2013 года); см. по адресу www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/peti/dt/1003/1003121/1003121en.pdf (в этом документе помимо прочего сказано: «Вопрос равноправного отношения к родителям, имеющим и не имеющим гражданства Дании, признан серьезной проблемой. Однако датские органы власти делают все возможное для посредничества между родителями и достижения соглашения в наилучших интересах ребенка. Если соглашения достичь не удастся, решение принимает суд, и оснований для утверждения о том, что датские суды проявляют дискриминацию в отношении иностранных родителей, нет»).

ности и иностранному гражданству, а также на непринятии государством-участником надлежащих и безотлагательных мер по защите ее самой и ее сына О.В. и по прекращению заявленной дискриминации по отношению к ним.

5.3 Комитет напоминает, что он не подменяет собой государственные органы власти при рассмотрении фактов и доказательств, если только такое рассмотрение не было явно произвольным или равносильным отказу в правосудии³.

5.4 Комитет напоминает, что в соответствии с пунктами 6 и 9 его общей рекомендации № 19 (1992) о насилии в отношении женщин определение дискриминации в статье 1 Конвенции включает понятие насилия, обусловленного половой принадлежностью, и, кроме того, государства могут также быть ответственны за деяния, совершаемые частными лицами, в том случае, если эти государства не проявляют должной заботы для предотвращения нарушений прав или же расследования и наказания актов насилия⁴.

5.5 Комитет отмечает подробные жалобы автора на то, что в ходе совместного проживания с С., после их разлучения и даже после ее переезда в Австрию она подвергалась вербальному и физическому насилию, притеснению и преследованию со стороны С., а О.В. был жестоко похищен в Австрии. Кроме того, Комитет обращает внимание на заявление автора о том, что правоохранительные органы не только не были способны защитить ее от угроз, преследований, притеснений и физического насилия со стороны С., но и проявили дискриминацию по отношению к ней как иностранке; например, когда она сообщила о вторжении С. к ней в дом 6 сентября 2010 года полиции, полиция проигнорировала ее версию событий, арестовав ее и неправомерно заключив под стражу без надлежащего разбирательства за якобы незаконный вывоз О.В. из страны, хотя она имела право единоличной опеки, и когда полиция отказалась провести расследование по ее заявлению о посягательстве С. на ее собственность и угрозах с его стороны в ее доме. Комитет также принимает к сведению подробную информацию, представленную автором о бесчеловечном и унижающем достоинство обращении, с которым она столкнулась при задержании 6 сентября 2010 года, например принудительное обнажение и полный досмотр тела, выполненный надзирательницей тюрьмы, а также отказ в праве на консультацию со своим адвокатом. Комитет также надлежащим образом рассмотрел действия датских органов власти, такие как принятие полицией Северной Зеландии только версии С. и предъявление автору обвинений согласно разделу 215 Уголовного кодекса, требование прокурора о ее задержании 7 сентября 2010 года в ходе слушания в Окружном суде Хельсингера, а также тот факт, что, хотя Окружной суд не нашел оснований для ее задержания и она была освобождена, позднее полиция Северной Зеландии трижды требовала заочного (in absentia) задержания автора в целях выдачи европейского ордера на арест.

³ См., например, сообщения № 37/2012, *Т.Н. против Дании*, решение о неприемлемости от 3 ноября 2014 года, пункт 12.7, и № 34/2011, *Р.П.Б. против Филиппин*, мнения, принятые 21 февраля 2014 года, пункт 7.5.

⁴ См. также сообщение № 6/2005, *Венский центр защиты от бытового насилия и Ассоциация за предоставление женщинам доступа к средствам правовой защиты от имени Бану Акбак, Гюлен Хан и Мелиссы Ёзде*, мнения, принятые 6 августа 2007 года, пункт 12.1.1.

5.6 Учитывая насильственное похищение О.В. в Австрии, пристрастность датских органов власти, включая их судебную систему, и отсутствие эффективной реакции на похищение О.В., Комитет принимает к сведению заявление автора о том, что датские органы власти полностью игнорируют международный ордер на арест С., выданный австрийскими органами власти, согласно которому он обвиняется в тяжком нападении и похищении О.В., на ее требования по предоставлению ей доступа к ребенку и по обеспечению безопасности О.В. после его похищения и на то, что в ходе дела они причинили вред ранее абсолютно здоровому и хорошо развитому ребенку, чтобы скрыть тот факт, что они нарушили международные нормы и датское законодательство, лишив ее права опеки над ребенком и предоставив это право С. в 2010 году. Кроме того, Комитет принимает к сведению, что, хотя 16 апреля 2012 года Национальный социальный апелляционный совет действительно потребовал от суда первой инстанции Хельсингера рассмотреть запрос автора о передаче ей О.В. в Австрии, последний 21 сентября 2012 года издал постановление, в котором запрос автора о передаче ей О.В. был отклонен, указанное постановление было оставлено в силе при рассмотрении апелляции в Высоком суде Восточной Дании, а последующие заявления автора в адрес Совета по проверке апелляции об обжаловании принятого решения Верховным судом систематически отклонялись.

5.7 Комитет отмечает утверждения государства-участника о том, что жалобы автора в отношении жестокого поведения С. по отношению к ней необоснованны, поскольку она не предоставила доказательств или документов, подтверждающих ее заявление о том, что С. жестоко обращался с ней, угрожал ей, запугивал и преследовал ее и О.В. Комитет отмечает, что автору было сложно представить такие документы, находясь в Австрии, особенно после того как все ее запросы на получение документов от датских органов власти были проигнорированы и/или отклонены. Кроме того, Комитет отмечает, что государство-участник не представило подробную информацию и документы о действиях и бездействии полиции, в частности незаконного ареста и взятия автора под стражу с 6 по 7 сентября 2010 года, а также неспособности правоохранительных органов предпринять действия против посягательства С. на ее собственность и его угрожающего поведения. Комитет полагает, что при сложившихся обстоятельствах датские органы власти, особенно полиция, прокурор и суды, не только оказались неспособными обеспечить эффективную защиту автора и О.В., законное право на опеку которого имелось у автора, но и совершили ряд противоправных деяний, а именно: передача (пусть даже временно) права опеки над О.В. от автора к С. в результате судопроизводства при наличии одной стороны, в ходе которого районная государственная администрация опиралась только на версию событий, представленную С.; передача С. прав на опеку Окружным судом Хельсингера 22 декабря 2010 года опять-таки на основании заявления С., которое содержало такие ложные факты, как утверждение, что С. брал на себя основную часть обязанностей по уходу за О.В., а также очевидная неспособность со стороны обоих органов власти принять во внимание наилучшие интересы О.В.; незаконный арест и взятие автора под стражу в сентябре 2010 года и привлечение ее к ответственности согласно разделу 215 (2) Уголовного кодекса Дании, а также снятие с нее обвинений два года спустя 20 декабря 2012 года, в результате чего она не могла присутствовать на разбирательствах об опеке, опасаясь задержания, и, таким образом, не имела возможности доступа к правосудию. Что касается похищения О.В. со стороны С. в Австрии, Комитет также принимает к сведению отсутствие сотрудниче-

ства с австрийским Центральным управлением со стороны государства-участника, а также его отказ выдать С. австрийским органам власти в соответствии с международным ордером на арест, выданным 3 апреля 2012 года. Комитет напоминает, что в соответствии с Гаагской конвенцией центральные управления обязаны сотрудничать друг с другом и обеспечивать скорейшее возвращение неправомерно вывезенных детей, а также гарантировать эффективное соблюдение прав на опеку и доступ согласно законодательству одного договаривающегося государства на территории другого договаривающегося государства. Комитет также выражает обеспокоенность недостаточным обоснованием, представленным Министерством юстиции, выступающим в качестве датского Центрального управления, в отношении его отказа выдать С. Австрии после выдачи австрийскими органами власти ордера на арест 3 апреля 2012 года в связи с похищением О.В. со стороны С. на том основании, что, во-первых, поскольку О.В. находился под опекой С. в Дании, правонарушение, в связи с которым был выдан ордер на арест, было частично совершено в Дании. а, во-вторых, в Дании соответствующее деяние не считается уголовным правонарушением, потому что согласно датскому законодательству С. имеет право опеки над О.В.

5.8 В такой ситуации на основании вышеизложенной информации Комитет делает вывод, что государство-участник не проявило должной заботы для предотвращения, расследования и наказания актов насилия, а также для защиты автора и О.В. до и после похищения. Комитет напоминает об обязательстве государств-участников не проявлять дискриминацию в отношении женщин посредством действий или бездействия, а также об их обязательстве активно реагировать на проявления дискриминации в отношении женщин независимо от того, совершаются ли такие действия или бездействие государством или частными лицами. Подобным же образом государства-участники обязаны обеспечивать защиту женщин от дискриминации со стороны судебной системы и государственных органов. Учитывая заявление автора о том, что она подверглась дискриминации как иностранная мать, Комитет еще раз напоминает, что дискриминация в отношении женщин по признаку половой принадлежности и гендерной идентичности неразрывно связана с другими факторами, влияющими на женщин, такими как национальность, и что государства-участники обязаны юридически признать все взаимосвязанные формы дискриминации и их общее негативное воздействие на пострадавших женщин и наложить на них запрет. В связи с этим Комитет считает, что государство-участник нарушило права автора и О.В. в соответствии с пунктом d статьи 2, читаемой совместно со статьей 1 Конвенции.

5.9 Комитет также принимает к сведению жалобы автора в соответствии с пунктами a и b статьи 5 и подпунктом d пункта 1 статьи 16 о том, что государство-участник не учло наилучшие интересы О.В. при передаче С. права опеки и проявило дискриминацию в отношении автора как иностранной матери в ходе разбирательства в отношении прав опеки и посещения. Комитет напоминает, что согласно пункту a статьи 5 государства-участники обязаны изменять социальные и культурные шаблоны поведения мужчин и женщин, с тем чтобы в числе прочего добиться устранения предрассудков и действий, основанных на идеях неполноценности или превосходства на основании половой принадлежности или стереотипных ролей мужчин и женщин. Согласно подпункту d пункта 1 статьи 16 государства-участники обязаны принимать все надлежащие ме-

ры по ликвидации дискриминации в отношении женщин во всем, что касается семейных взаимоотношений, и гарантировать мужчинам и женщинам одинаковые родительские права и обязанности в том, что касается их детей, учитывая, что во всех случаях первостепенное значение имеют интересы детей.

5.10 Комитет отмечает утверждения автора о том, что, лишив ее права опекуна над О.В. и передав это право С., датские органы власти, действующие посредством районной государственной администрации и Окружного суда Хельсингера, не уделили первостепенное значение наилучшим интересам О.В. и не приняли во внимание законные права автора как полноправного опекуна, таким образом проявив дискриминацию в отношении нее как женщины и иностранной матери. В частности, Комитет отмечает жалобы автора на противоправные деяния со стороны датских органов власти, которые не рассмотрели надлежащим образом следующие факты: О.В. имеет только австрийское гражданство, С. даже не признал О.В. после его рождения; несмотря на признание С. ребенка 22 мая 2007 года, это не повлекло за собой смену гражданства О.В.; автор, будучи незамужней матерью, имеет право единоличной опеки над О.В. в соответствии как с датским, так и с австрийским законодательством; автор и С. никогда не достигали каких-либо соглашений в отношении права С. на посещение; автор и О.В. никогда не подавали заявление на получение датского гражданства. Комитет также принимает к сведению заявление автора о том, что, хотя С. и отозвал свое заявление в адрес районной государственной администрации об оформлении совместной опеки 19 июля 2010 года, а 22 июля 2010 года подал новое заявление о предоставлении ему права единоличной опеки, датские органы власти не приняли во внимание тот факт, что государственная администрация не обладала юрисдикцией в отношении австрийского ребенка, рожденного австрийской матерью, которая имеет право единоличной опеки над ним. Что еще более важно, Комитет принимает к сведению утверждение автора о том, что районная государственная администрация и Окружной суд Хельсингера не учли наилучшие интересы О.В. и опирались только на необъективную версию событий, представленную С., а также о том, что решение Окружного суда Хельсингера основывалось на принципе контакта ребенка с обоими родителями, но было откровенно предвзятым по отношению к автору как к иностранке настолько, что, поскольку она не встречалась и не беседовала с младшим помощником судьи, проводившим разбирательство дела, последний обвинил ее в том, что она думает только о себе и не способна сопереживать, и в результате даже не предоставил ей права видеться с О.В. Комитет также принимает к сведению утверждение автора о том, что с 1 октября 2014 года районная государственная администрация лишила ее всех материнских прав, руководствуясь заявлением С. согласно разделу 23 Закона Дании о родительских обязанностях.

5.11 Комитет принимает к сведению информацию, предоставленную государством-участником о соблюдении им Закона о родительских обязанностях, его международных обязательств, в том числе обязательств, изложенных в Конвенции и Конвенции о правах ребенка, а также его утверждение о том, что в данном деле районная государственная администрация постановила, что в ходе судебного разбирательства в наилучших интересах О.В. следует не менять его статус-кво, чтобы он оставался в своей привычной среде и ходил в школу в Дании.

5.12 Комитет обращает внимание на копию решения, представленную государством-участником, в котором районная государственная администрация отметила, что не производила оценки на тот счет, что отвечало бы наилучшим интересам О.В. в долгосрочной перспективе. Принимая во внимание Закон о родительских обязанностях, Комитет отмечает, что, наряду с тем что все решения основаны на первоочередном принципе соблюдения наилучших интересов ребенка, датское законодательство также основывается на том принципе, что ребенок должен общаться с обоими родителями, и это соображение имело большой вес в решении, вынесенном Окружным судом Хельсингера, который заключил, что, поскольку действия автора привели к тому, что О.В. более четырех месяцев не мог видеться с отцом, в наилучших интересах О.В. будет предоставить полное опекунство С. с целью обеспечить постоянный контакт О.В. с обоими родителями. Комитет полагает, что в обоих решениях суды не уделили первостепенное значение наилучшим интересам О.В. и не смогли найти взвешенный подход, что привело к дискриминирующему обращению с автором. Комитет отмечает, что Окружной суд Хельсингера в своем решении ссылается на необходимость постоянного контакта с обоими родителями, хотя отдает себе полный отчет в том, что автор проживает в Австрии, но при этом он даже не предоставил ей прав на посещение. Комитет напоминает об осуществлении временных мер 9 июля 2013 года и 4 апреля 2014 года, в рамках которых он просил государство-участник предоставить автору разумный доступ к О.В. в Дании и обеспечить, чтобы все соответствующие органы власти облегчали реализацию такого доступа, и с беспокойством отмечает, что государство-участник не выполнило эту просьбу, якобы на том основании, что автор должна была подать заявление о праве на посещение в районную государственную администрацию, которая, согласно датскому законодательству, является единственным органом, имеющим право принимать решения в отношении доступа, из чего вытекает, что автор не имела контактов со своим ребенком с 13 февраля 2013 года. Комитет также обеспокоен тем, что с 1 октября 2014 года положение автора еще больше ухудшилось в связи с решением районной государственной администрации, действовавшей на основании очередного заявления С., согласно которому автор больше не имела права получать информацию о своем сыне О.В., несмотря на то что согласно разделу 23 Закона о родительских обязанностях родитель, не принимающий участия в совместной опеке, имеет право требовать и получать информацию о ребенке из школ, детских садов и яслей, учреждений социального сектора и сектора здравоохранения, частных больниц, врачей общей практики и дантистов.

5.13 Комитет полагает, что слово «первостепенный», упоминаемое в Конвенции, означает, что наилучшие интересы ребенка не могут рассматриваться на равных основаниях с другими соображениями. Комитет также полагает, что, для того чтобы продемонстрировать соблюдение права ребенка на оценку и придание основного/первостепенного значения его наилучшим интересам, любое решение, касающееся ребенка, должно быть взвешено, обосновано и разъяснено.

5.14 Комитет принимает к сведению замечания государства-участника о том, что в ходе разбирательств, касающихся прав опеки, автор имела полную возможность представить свою версию событий, но не смогла этого сделать, а также о том, что автор не подверглась бы аресту, если бы явилась на судебные слушания в Дании, поскольку государственный прокурор прекратил требовать

задержания автора после того, как Восточный Высокий суд вынес постановление от 23 декабря 2011 года. Кроме того, Комитет принимает к сведению обстоятельства, при которых в сентябре 2010 года автор была без достаточных оснований арестована и заключена под стражу, а также бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, с которым она столкнулась при задержании, и полагает, что у автора были все основания не возвращаться в Данию на разбирательства, касающиеся прав опеки, поскольку она потеряла веру в беспристрастность и справедливость органов государства-участника. Комитет напоминает о письме от 18 апреля 2011 года, направленном в австрийское Центральное управление Департаментом по делам семьи при Министерстве юстиции (датским Центральным управлением), подтверждающем, что ожидается уголовное разбирательство против автора, что похищение ребенка является уголовным правонарушением, максимальный срок наказания за которое составляет 4 года лишения свободы, что автор рискует быть арестованной, если приедет в Данию, и что в ближайшее время на автора может быть выдан европейский ордер на арест. Комитет также принял во внимание неоспоримое утверждение автора о том, что по отношению к ней применялась тактика запугивания, в частности в форме нескольких телефонных звонков в австрийский Департамент по делам семьи, сделанным социальным работником из датского Центрального управления/Департамента по делам семьи с угрозами в адрес автора и требованием отозвать ее запрос о возвращении О.В. в Австрию. Комитет полагает, что все эти обстоятельства в совокупности не только объясняют нежелание автора возвращаться в Данию на разбирательства, но и являются препятствием к доступу автора к правосудию.

5.15 Кроме того, Комитет глубоко обеспокоен систематическими отклонениями заявления автора в Совет по проверке апелляций, что также представляет собой препятствие к доступу автора к правосудию. Применяя «правило всеобщей общественной важности», органы власти государства-участника должны были уделить надлежащее внимание характеру дела, в частности вопросу опеки над несовершеннолетним малолетним ребенком, международным масштабам дела и противоположным решениям, вынесенным двумя разными системами правосудия, а также серьезным и всеобъемлющим последствиям данного вопроса; должны были полностью изучить все аспекты дела при подаче апелляции, которые выходят за рамки судебных интересов автора, О.В. и С., принимая во внимание многократные утверждения автора о том, что она подвергалась дискриминации по половому признаку и иностранному гражданству, и тот факт, что в подобной ситуации находится множество иностранных граждан и существует множество жалоб, касающихся иностранных родителей, оказавшихся в такой же ситуации, что и автор.

5.16 Основываясь на имеющейся информации, Комитет приходит к заключению, что датские органы власти не проявили к автору равноправного отношения в деле, касающемся ее сына. В свете вышеизложенного Комитет считает, что государство-участник нарушило права автора и О.В. в соответствии с пунктом d статьи 2, пунктами a и b статьи 5 и подпунктом d пункта 1 статьи 16 Конвенции.

6. Действуя на основании пункта 3 статьи 7 Факультативного протокола к Конвенции, Комитет полагает, что изложенные факты указывают на нарушение прав автора и ее несовершеннолетнего сына О.В. в соответствии со статьей 2, читаемой совместно со статьей 1, а также пунктами a и b статьи 5 и подпунк-

том d пункта 1 статьи 16 Конвенции, и выносит следующие рекомендации в адрес государства-участника:

a) Принять меры по безотлагательному сотрудничеству центрального управления юстиции государства-участника (то есть его Министерства юстиции) с австрийским Центральным управлением в целях обеспечения скорейшего возвращения О.В. к автору в Австрию, где, при необходимости, возможно проведение новых разбирательств по вопросам опеки и посещений в наилучших интересах ребенка.

b) Общие рекомендации:

i) Принять все надлежащие меры по предотвращению повторения подобных нарушений в будущем.

ii) Пересмотреть и внести изменения в Закон о родительских обязанностях, с тем чтобы a) требование по приданию первостепенного значения наилучшим интересам ребенка во всех касающихся его или ее действиях и решениях, в отношении как общественной, так и частной жизни, было отражено в качестве основного права и правила процедуры, и b) принцип «наилучших интересов ребенка» применялся на всех административных и судебных разбирательствах, независимо от того, проводятся ли они профессиональными судьями, непрофессионалами или другими должностными лицами, а также во всех процедурах, касающихся детей, включая процедуры примирения, третейского суда и арбитража.

iii) Разработать правовые механизмы, полностью соответствующие нормам права, и предусмотреть принятие судебной системой мер по обеспечению надежной и эффективной схемы подачи апелляций, позволяющей устранять юридические и фактические ошибки, особенно в делах об опеке, а также обеспечить определение и оценку принципа наилучших интересов ребенка.

iv) Выполнить комплексный обзор на основании анализа датского законодательства об опекунстве и Закона о родительских обязанностях и, в частности, оценить его влияние на иностранных родителей, особенно на иностранных матерей.

v) Проводить борьбу с недоброжелательным отношением и стереотипами, являющимися источником взаимосвязанных форм дискриминации в отношении женщин, особенно матерей с иностранным гражданством, и обеспечивать полную реализацию права их детей на оценку их наилучших интересов и придание им первостепенного значения при принятии всех решений.

vi) Организовать специальные и обязательные программы подготовки для судей, прокуроров и адвокатов, а также для других профессионалов, принимающих участие в административных и судебных разбирательствах, посвященные динамике насилия в отношении женщин, правам опеки и посещения и принципу «наилучших интересов ребенка», отсутствию дискриминации против иностранных граждан и гендерным стереотипам; эти программы дадут возможность получить соответствующие знания и навыки, позволяющие выполнять обязанности в соответствии с международными обязательствами государства-участника.

7. В соответствии с пунктом 4 статьи 7 государство-участник обязано надлежащим образом рассмотреть мнения и рекомендации Комитета, и в течение шести месяцев представить Комитету письменный ответ, включающий всю информацию о каких-либо мерах, принятых на основе мнений и рекомендаций Комитета. Кроме того, государство-участник должно опубликовать мнения и рекомендации Комитета, обеспечить их перевод на датский язык и широко распространить, с тем чтобы охватить все затронутые части общества.

Добавление

Особое (несогласное) мнение члена Комитета Патриции Шульц

Комитет столкнулся с очень сложным случаем, в рамках которого оба родителя ребенка обращались в высшие судебные инстанции своих соответствующих стран для получения права опеки над одним и тем же ребенком; в отношении каждого из родителей на каком-то этапе возбуждалось уголовное судопроизводство, и в обеих странах были приняты противоречивые решения по вопросу об опеке. Комитет столкнулся с коллизией правовых норм и противоречивыми судебными решениями по вопросу опеки над ребенком: этот факт был и остается красной нитью сообщения, и, по моему мнению, автор сослалась на дискриминацию по половому признаку для того, чтобы добиться продолжения рассмотрения дела.

Если я не ошибаюсь, в ходе разбирательства в датских органах власти автору была предоставлена юридическая помощь и у нее не было адвоката только на стадии представления сообщения. Этот факт следовало учесть при оценке ее обвинений, касающихся действий и бездействия критикуемых ею органов власти государства-участника. Более того, имея в своем распоряжении адвоката, автор могла защищать свои права в ходе разбирательств и также могла получить поддержку для надлежащего обоснования своих обвинений.

Несмотря на то что некоторые доводы, побудившие меня высказать несогласное мнение, уже содержатся в решении о приемлемости, принятом в ноябре 2014 года (CEDAW/C/59/D/46/2012), я более подробно останавлиюсь на совокупности доводов по существу, изложенных в настоящем решении (CEDAW/C/63/D/46/2012), начиная с пункта 4.5 и до конца.

Две причины побудили меня высказать несогласное мнение.

1. Предвзятая оценка жалоб/информации в пользу автора и перенос бремени доказывания

На мой взгляд, информация, представленная и/или заявленная М.В., оценивается в решении более одобрительно, чем информация государства-участника. М.В. многократно и безжалостно критиковала датские органы власти за различные действия и бездействие, однако, на мой взгляд, не представила четких обоснований для подтверждения вопросов по существу.

Тем не менее Комитет принял эти утверждения. Он не принял во внимание, что датские органы власти представили достаточные разъяснения по всем проведенным разбирательствам и процедурам в соответствии с датским законодательством, как по вопросам насилия, так и по вопросам опекунства.

1.1. Мнение по вопросу о насилии

Автор утверждает, что датские органы власти не защитили ее должным образом от насилия, проявленного С. по отношению к ней, и обвиняет полицию и прокуроров в бездействии или в ненадлежащих действиях, а также от насилия во время похищения О.В.; она также утверждает, что характер ее ареста и взятия под стражу равносителен отказу в правосудии (бесчеловечное и унижающее достоинство обращение). Это очень серьезные обвинения.

В пунктах 4.5–4.8 подробно описаны различные утверждения, касающиеся вербального и физического насилия, притеснения и преследования, которому автор подверглась со стороны С., бесчеловечное и унижающее достоинство обращение с автором во время ее пребывания в тюрьме, жестокое похищение ребенка С. и недостаточная защита со стороны полиции и прокуроров.

Я считаю, что автор не представила необходимых доказательств по таким серьезным обвинениям, касающимся выполнения обязанностей датской полицией и прокурорами в ее деле; нет никаких доказательств, что она пыталась подать жалобу (или жалобы) на С., нет доказательств ее жалоб на полицию или другие органы власти, которые она обвиняет в бездействии и/или отказе полиции действовать, или доказательств того, что полиция и тюремные надзиратели грубо с ней обращались; нет доказательств ни одного из этих серьезных обвинений. Тем не менее в государстве-участнике предусмотрена процедура (посредством независимого органа по рассмотрению жалоб на действия полиции), доступная лицам, желающим подать жалобу в отношении таких действий; для помощи автору был предоставлен адвокат.

Хотя в деле нет ни одной записи о том, что автор пыталась сообщить о различных проявлениях указанных дисфункций полиции или прокуроров, Комитет трактует все обвинения автора как доказанные факты и не принимает во внимание подробные разъяснения, приведенные государством-участником в отношении причин и условий, в которых проходили арест и взятие под стражу, а также в отношении надлежащих действий полиции, прокуроров и других служб (см. пункты 2.2, 2.3, 2.7, 2.10, 2.11 и 2.12).

В пункте 4.7 Комитет «отмечает, что государство-участник не представило подробную информацию и документы о действиях и бездействии полиции, в частности незаконного ареста и взятия автора под стражу с 6 по 7 сентября 2010 года». Комитет считает, что автор, будучи иностранкой и находясь в Австрии (после ее выезда из Дании), имела трудности с предоставлением доказательств тех или иных действий или бездействия некоторых органов власти государства-участника, но при этом против нее не сыграло отсутствие доказательств того, что она хотя бы пыталась получить документы, которые, по ее словам, она требовала от датских органов власти.

Далее в пункте 4.7 Комитет упрекает датские органы власти в совершении «ряда противоправных деяний», при этом приводится совокупность жалоб автора, и Комитет приходит к выводу, что государство-участник не проявило должной заботы в отношении якобы совершенных актов насилия.

Веские аргументы государства-участника убедили меня (см. пункты 2.2, 2.3, 2.7, 2.10, 2.11 и 2.12) в том, что положения статьи 1 или пункта d статьи 2 Конвенции нарушены не были. Я также принимаю во внимание тот факт, что государство-участник, вероятно, не может представить доказательств от противного в отношении обвинения автора, то есть доказательств того, что действия или бездействие имели место; отсутствие каких-либо доказательств (хотя в данном случае некоторые из доказательств могли бы быть получены при условии представления автором письменного заявления с требованием предпринять те или иные меры, копий документов, возражений против обращения, с которым она, по ее словам, столкнулась) того, что эти действия могли иметь место, должны скорее говорить в пользу государства-участника, а не в пользу автора.

1.2. Мнение по вопросу об опеке

Перечень действий, изложенных в пункте 4.7 и представляющих собой «ряд противоправных деяний», также имеет отношение к якобы неспособности государства-участника предотвратить дискриминацию со стороны судебных органов и социальных служб (в том числе детского сада) в ходе решения вопроса об опеке. Комитет принимает в качестве факта то, что судебные органы и социальные службы проявили халатность в исполнении своих обязанностей и дискриминацию, а некоторые лица даже солгали (сотрудница детского сада, которая якобы состояла в близких отношениях с С.). И в этом случае также оставлены без внимания подробные ответы государства-участника, например напоминание о дате, с которой автор могла больше не опасаться задержания и, следовательно, могла приехать в Данию и присутствовать на разбирательствах, или разъяснение в отношении функционирования судебной системы в делах об опеке в сотрудничестве с социальными службами и в отношении функционирования судебной системы в данном конкретном деле, с описанием всех мер, принятых различными датскими органами власти.

Мне также не ясно, каким образом были нарушены права автора в соответствии с пунктом а статьи 5 и/или подпунктом d пункта 1 статьи 16. Автор многократно отказывалась воспользоваться процедурой, позволившей бы ей получить доступ к сыну, доступ, который датские органы власти были готовы предоставить в результате осуществления временных мер, рекомендованных в решении о приемлемости от 2014 года, о чем они недвусмысленно заявляли (пункт 2.14). Автор не объяснила, почему она отказалась выполнять процедуру, принятую в государстве-участнике, процедуру, о которой ей неоднократно сообщали датские органы власти. Исходя из вышеизложенного, ей не следовало бы ссылаться на это в своих интересах, поскольку, фактически, она хотела, чтобы государство-участник нарушило свои правила и предоставило ей возможности, которых больше ни у кого нет. Тем не менее в пункте 4.12 Комитет принял версию автора по этому вопросу, что, на мой взгляд, является еще одним доказательством предвзятой оценки жалоб и информации в пользу автора, а также переноса бремени доказывания.

2. Роль Комитета, необходимость оставаться в рамках своей компетенции, не подменять собой государственные органы власти и не предпринимать попыток по изменению правил судостроительства

Я не могу согласиться с действиями Комитета, вмешивающегося в весьма сложное дело, как вытекает из пункта 4.8, в котором он утверждает, что «датские органы власти... совершили ряд противоправных деяний, а именно: передача (пусть даже временно) права опеки над О.В.»; Комитет перечисляет целый ряд противоправных деяний, совершенных государством-участником в отношении гражданско-правовых аспектов дела, то есть самого вопроса об опеке и доступе к ребенку в результате осуществления временных мер. Вмешательство в дело об опеке прослеживается и далее, в пунктах 4.10–4.13.

В этих пунктах 4.10–4.13 особое внимание уделяется «первостепенному значению наилучших интересов О.В. и законным правам автора как полноправного опекуна», а также дискриминирующему обращению с М.В. как с «женщиной и иностранной матерью». На мой взгляд, Комитет своими мнениями подменяет мнения датских органов власти и вступает в подробную дискус-

сию по поводу того, что означают первостепенные интересы ребенка и каким образом следует осуществлять юридические процедуры в отношении опекуна над ребенком; Комитет также приводит опровержение «правила всеобщей общественной важности». Я считаю, что дискриминация по половому признаку, на которую ссылается автор, имеет к данной дискуссии лишь искусственно созданное и недостаточное отношение; дискуссия противоречит заверению Комитета, приведенному в пункте 4.3, в том, чего Комитет не должен был делать, а именно: подменять своими мнениями мнения государственных органов власти в деле, в котором, на мой взгляд, не было обоснованных предпосылок для этого.

Вопрос о доступе к правосудию обсуждается в пунктах 4.14–4.15, где, в частности, повторяются некоторые формулировки вопросов, рассмотренных ранее под другими заголовками (обвинения в насилии и нарушении статей 1 и 2 Конвенции). Принимая во внимание разъяснения государства-участника по поводу возможностей защиты, предоставленных автору, и по поводу судебной системы страны, я не могу согласиться с заключением о том, что доступ автора к правосудию был ограничен. Более того, в пункте 4.16 ставится под сомнение система подачи апелляций: довод о том, что «вопрос опеки над несовершеннолетним малолетним ребенком» приравнивается к делу, в котором должно применяться «правило всеобщей общественной важности», вводит в заблуждение и не имеет никакого отношения к дискриминации по половому признаку. Не каждое драматическое дело об опеке отвечает условию «правила всеобщей общественной важности», и не каждое дело о плохом обращении с предьявителем иска женского пола приравнивается к делу о дискриминации по половому признаку, по признаку иностранного гражданства или о дискриминации по этим двум взаимосвязанным признакам.

Более того, как изложено выше в пункте 1.2, посвященном предполагаемому нарушению пункта а статьи 5 и/или подпункта d пункта 1 статьи 16, автор отказалась воспользоваться предложенной ей обычной процедурой для получения доступа к сыну в соответствии с рекомендациями, касающимися временных мер, о чем она сама неоднократно сообщала датским органам власти.

Кроме того, вторая часть пункта 4.15 должна была бы натолкнуть большинство заинтересованных лиц на другой вывод, а именно: Комитет не имел полномочий принимать участие в деле, по которому, как указало государство-участник в пункте 2.2, «две признанные и равноправные системы правосудия... вынесли противоречивые решения об опеке над сыном»; Комитет должен был принять во внимание замечание о том, что он «не является наднациональным органом, в задачи которого входит разрешение разногласий между двумя признанными и равноправными системами правосудия». К тому же, по моему мнению, государство-участник представило достаточно примеров того, с какой тщательностью рассматривались различные аспекты вопроса об опеке и доступе к ребенку.

Таким образом, я нахожу, что, несмотря на заявление Комитета в пункте 4.3 о том, что он «не подменяет собой государственные органы власти при рассмотрении фактов и доказательств, если только такое рассмотрение не было явно произвольным или равносильным отказу в правосудии», он забыл об этом правиле предусмотрительности, а также о надлежащем понимании своей роли, функций и полномочий. И несмотря на тот факт, что, на мой взгляд, автор не

привела достаточных обоснований различных действий и/или бездействия, приравняемых к противозаконной дискриминации или отказе в правосудии, Комитет подменил собой государственные органы власти и оказался вовлеченным в крайне сложное дело об опеке над ребенком, поданное под видом дела о дискриминации по половому признаку.

3. Заключение

Я не хочу сказать, что в этой истории не было проблем, что С. поступил правильно, забрав своего сына из Австрии, и что датские органы власти не совершили ошибок: разумеется, это не так. В частности, я считаю весьма неубедительным довод государства-участника о том, что С. не удерживал О.В. на незаконных основаниях и не похищал его из Австрии (см. пункт 2.7). Я также задаюсь вопросом, учитывался ли при принятии решения о лишении автора доступа к информации о ее сыне на том основании, что «автор публиковала все сведения о сыне на различных страницах в интернете, на веб-сайтах по проведению кампаний и в социальной сети Facebook» (см. пункт 2.6) тот факт, что С. также мог осуществлять подобные действия?

Тем не менее я хочу отметить, что на основании обвинений, выдвинутых автором, представленной ею информации и ответов государства-участника Комитет был не вправе вмешиваться в это сложное и трагическое дело и что достаточные доказательства того, что государство-участник проявило дискриминацию по половому признаку, приравнивающуюся к произволу или отказу в правосудии, отсутствуют.

Таким образом, я не могу согласиться ни с подходом Комитета, который практически перенес бремя доказывания, требуя от государства-участника опровержения обвинений автора, вместо того чтобы потребовать от автора представить доказательства ее обвинений или хотя бы обосновать их, ни с результатом того, что, на мой взгляд, является необъективным и пристрастным подходом.

Исходя из вышеизложенного, я уверена, что сообщение следовало отклонить на том основании, что автор не смогла представить обоснования ее многочисленных обвинений в адрес государства-участника.